История страны яснее видится через судьбы отдельных людей. Ещё, кстати, Наполеон признавал, что существуют «две мощных силы — сила духа и сила оружия. В их противостоянии всегда побеждает сила духа»! И если человек особого качества: в любых испытаниях сохраняет достоинство и не сгибается перед жестокой судьбой, — его имя по праву украшает историю. Даже если человек не стал Героем, маршалом и не имел иного высокого звания, потомкам стоит гордиться таким земляком.

Вера Ильинична Матюцкая родилась в селе Адамовка в 1923 году. Накануне войны она жила в Новосибирской области, в городе Сталинск (с 1961 — Новокузнецк Кемеровской области), куда из Адамовки переехали родители, Илья Андреевич и Надежда Николаевна Матюцкие. Первомайским РВК она была призвана на фронт, окончила школу лейтенантов при 60-й Армии 1-го Украинского фронта в сентябре 1943 года, после чего

была назначена старшим адъютантом при штабе 2-го стрелкового батальона 745 сп 141-й Киевской сд.

В бою за посёлок городского типа Черняхов Житомирской области 6 декабря 1943 г. Вера была тяжело ранена и попала в плен к фашистам. О пребывании её в концлагерях рассказала Антонина Никифорова, военврач, уроженка Ленинграда, также пленённая врагами. После войны А.Никифорова написала книгу «Повесть о борьбе и дружбе» (Лениздат, 1967). Эту книгу воспоминаний нельзя читать спокойно, так как в ней нет вымысла и все имена, факты достоверные и слишком жуткие. О Вере Матюцкой Никифорова рассказывает на протяжении всей книги, они подружились в лагере и оставались верны дружбе долгие годы. Автор пишет, что девушки — вчерашние радистки, телефонистки, медсёстры Советской Армии — тяжело переживали своё положение военнопленных: кто плакал, кто впадал в депрессию.

«Верка считала недостойным плакать из-за фашистов. Почему мы её называли Веркой? Но разве можно было называть нежным именем Верочка эту коротко остриженную девушку с мальчишескими манерами? И в лагере для военнопленных она не снимала мужской одежды, любила держать руки в карманах и изредка, явно подражая кому-то, плевала, стараясь попасть как можно дальше. Мы с Ефросиньей Сергеевной возмущённо вскрикивали: «Верка!»

Она только обиженно надувала губы: «Вы вроде моей мамы». А глаза её были полны такого озорства, такой жизнерадостности, что, глядя на неё, нельзя было не улыбнуться.

Я живо представляла себе, как, окончив школу, всякими правдами и неправдами она добивается приёма в военное училище, а потом уж сообщает об этом родителем и то виснет на шее отца или матери, осыпая их поцелуями, то, топая ногой, заявляет, что её решение непоколебимо. Верка шагает в одном строю с юношами, лихо скачет на лошади, прыгает на лыжах с трамплина, подтягивается на турнике, стреляет из пулемёта… Она старается всё делать как можно лучше, чтобы только к ней не были снисходительны из-за её принадлежности к слабому полу.

По окончании училища Верку в звании лейтенанта направили начальником штаба в один из батальонов действующей армии. Как-то молодой комбат допустил в отношении девушки несколько поблажек. Верка долго не могла ему этого простить: «Он должен был забыть, что я девушка!» А разве можно было забыть об этом, глядя на длинные ресницы, оттеняющие ясные, весёлые серые глаза, на прямые брови, которые в старину назвали бы соболиными, на нежные девичьи щёки, быстро вспыхивающие румянцем. Нет, комбата трудно винить…

Бои тогда шли под Черняховом. Часть, где находилась Вера, понесла большие потери и должна

была отступить. Раненная в руку, с осколком в спине, Вера пробиралась на старые позиции. По дороге наткнулась на тяжело раненного комбата. Немцы приближались. Что было делать? Через день-другой всё равно наши будут наступать, всё равно эти места окажутся в их руках! Спрятать комбата понадёжнее… Невдалеке был мост через небольшую речку, под ним можно было хорошо укрыться. Вера с трудом тянула комбата к мосту. Он глядел на неё страдальческими благодарными глазами и шептал: «Матюцкая, брось меня, уходи скорей». Но Верка, вцепившись зубами и здоровой левой рукой в шинель, упорно тащила его.

Они спрятались хорошо, заметить их было трудно. Довольно скоро по этому мосту уже ехали чужие машины, шагала чужая пехота… Так прошло двое суток. Верин план удался бы, не будь комбат так тяжело ранен. Осколок попал в живот, и, вероятно, началось воспаление брюшины. Комбат просил пить. Вода журчала рядом, но достать её было невозможно. Он стонал, временами терял сознание, бредил… Вера зажимала ему рот. На минуту, приходя в себя, он затихал, а затем снова начинал стонать.

На третьи сутки стоны привлекли внимание немецких солдат. Они с фонариками полезли под мост, выволокли Веру, разлучили её с комбатом и отправили в Холм, в лагерь для военнопленных, где русские врачи удалили пулю из её руки. Это была полудетская тоненькая ручка. Я только диву давалась, откуда столько силы в этой руке, во всей этой маленькой девушке».

Испытания, которые выпали узницам лагеря Равенсбрюк, трудно представить и ещё труднее осознать, что такое бывает в реальности.

Равенсбрюк был единственным женским концлагерем в Германии, где содержались женщины и их дети. С 1939 по 1945 г. там содержалось 132 тысячи узников более чем 40 национальностей. Погублено было 92 тысячи узниц, фашисты использовали прямые расстрелы, газовые камеры, крематорий и другие способы убийства людей. В 1943 году в лагерь привезли первых советских женщин-военнопленных. Среди узников лагеря были Мария Кузьмина-Караваева (Мать Мария), Роза и Ирма Тельман, а также тысячи менее известных женщин.

В апреле 1945 г. немцы пытались вывезти большую группу заключённых на запад Германии, Вера Матюцкая оказалась в одной из таких перегоняемых колонн. Войсками 2-го Белорусского фронта узники были освобождены, а 30 апреля освобождён и лагерь Равенсбрюк.

А. Никифорова рассказывает: «Верке повезло. Первый советский солдат, которого она увидела, оказался знакомым. Он её направил в госпиталь, где она и пролежала около двух недель». Затем в её судьбе был полевой военкомат в

г. Мюмберге, который направил рядовую Матюцкую в 214-й азсп, 5-й гв. 1-го Украинского фронта. 31 мая 1945 года В.И.Матюцкая написала рапорт командиру распределительного батальона при 214-м азсп капитану Лемешеву с ходатайством о восстановлении её в звании лейтенанта. Восстановили или нет её звание, сейчас неизвестно, а война была уже завершена, Вера Ильинична могла возвращаться домой. Но характер девушки не позволял ей раскисать перед новыми невзгодами, их впереди было ещё немало. О ней писала газета «Советская Россия», журнал «Огонёк», а в 1959 г. был снят документальный фильм «Дочери России», в нём также рассказывалось о В.Матюцкой и её подругах, бывших узницах концлагеря. Жаль, что этот фильм пока не оцифрован и в интернете его не посмотришь.

Антонина Никифорова писала в своей книге, что «о дальнейшей судьбе Веры я уже знала. Когда в журнале были напечатаны мои воспоминания, Вера мне написала: «Спасибо Вам за тёплые слова обо мне, верю, что говорили Вы их от чистого сердца. Меня удивляет только, как Вы ухитрились запомнить имена, фамилии, ведь Вы не вели никаких записей ни в Люблине, ни в Равенсбрюке. Мне очень хотелось бы знать о судьбах тех, кто остался тогда с Вами в Равенсбрюке.

Но в первую очередь сообщите о себе. Я ясно представляю Вас, но только такой, какой Вы были

Вера Ильинична Матюцкая

в Равенсбрюке. Не сомневаюсь, что Вас удивит мой адрес: Якутская область, Верхоянский район. Такая даль! Но как была я романтиком, так и останусь на всю жизнь, наверное. После того как я окончила педагогический институт, мы с мужем стали поклонниками Крайнего Севера. Муж у меня моряк и такой же непоседливый, неуёмный фантазёр, как и я. В общем, два сапога — пара. У нас уже двое детей — Наташа и Леночка, но возим с собой мы только старшую. Несмотря на то, что мне уже исполнилось 34 года, всё продолжаю «чудить». Когда приехали на новое место — новый прииск, выяснилось, что школа здесь только начальная, да и то на двадцать учащихся, две учительницы уже есть... Посидела я дома четыре месяца, на Севере это ужасно, и решила найти себе

здесь дело — окончила курсы машинистов бульдозера и теперь бульдозеристка. Хожу в мазуте и копоти, работаю, случается, и по десять часов в день. Тяжело, конечно, но зато чувствую, что приношу пользу, не ем зря хлеб. В общем, я обладательница двух дипломов, при этом таких разных, что меня многие из окружающих считают или немного «тронутой», или слишком уж экстравагантной. Ну, а теперь позвольте попрощаться с Вами, как четырнадцать лет назад.

Целую Вас крепко, крепко. Ваша Вера».

Верка — бульдозеристка! Как она водит тяжёлую машину? Я хорошо помню её узенькие девичьи руки... Правда, позже я узнала, сколько было в этих руках силы и ловкости.

Говорила Верка медленно, важно. Голос у неё низкий, настоящее контральто. Я представляла её удовольствие, когда, будучи начальником штаба, она по телефону разыгрывала кого-нибудь, принимавшего её по голосу за мужчину. Наверно, она ещё и покуривала, чтобы голос был с хрипотцой! Верка, Верка! Какая-то ты теперь?

В 1958 году она писала мне о Севере, где поселилась: «Здесь очень красивые места — суровые, голые горы, посёлок внизу весь в снегу, дома заносит чуть не по крышу и занесло бы совсем, да ветер очищает. Топим круглосуточно, поэтому тепло. Едим оленину и северную рыбу. Ходим два-три раза в месяц в кино на фильмы двух-трёхлетней давности. Прочитываем все книги и журналы, привозимые самолётом. Наслаждаемся приёмником или устраиваем концерты грампластинок. Кроме того, здесь тоже есть хорошие друзья, с которыми не так страшен чёрт, как его малюют. Не знаю, писала ли Вам, что меня избрали председателем поселкового Совета. Кроме того, работаю: назвался груздем... Очень скучаю по своим дочкам, они живут в Магнитогорске у моей мамы. Живут они хорошо, обе здоровы, но всё равно сердце у меня не на месте.

Третью зиму любуюсь северным сиянием и не могу привыкнуть: стою, замерзаю на снегу, но оторвать глаз от этой волшебной смены красок, линий, очертаний, всё время меняющихся, наплывающих друг на друга, не в силах.

Есть своя красота в этом краю. Весной на сопках много цветов, ярких, красивых, только жаль — без запаха. Летом и птицы появляются, но зимой, кроме куропаток, ничего нет.

Ну, посмотрите, как подробно я написала Вам о своей северной жизни. Очень хотелось бы знать и о Вас всё, жду письма. Впрочем, нет, ещё больше я жду момента, когда Вас смогу сама обнять и расцеловать, пока делаю это письменно».

Мы виделись с Верой не один раз: и в Москве, и в Ленинграде... Памятью о встречах остались фотографии. Конечно, Вера изменилась. Там, в посёлке, где она живёт, все называют её Вера

Ильинична, но для меня она осталась всё той же Веркой… Бывали у неё и тяжёлые минуты. К кому было ей тогда обратиться, если не к друзьям по концлагерю?

«У меня большое горе, — написала она однажды, — физически я здорова, у меня болит душа… Я объясню Вам всё. На бюро райкома меня должны были утверждать кандидатом в члены КПСС, и один из членов бюро высказал сомнение, стоит ли меня принимать, раз я была в плену и концлагере. Он считает, что я находилась в концлагере «в более привилегированном положении, чем все», — очевидно потому, что я осталась жива. Доказать что-либо я не имела возможности. Была настолько оскорблена, что на сутки потеряла способность говорить и, кроме слёз, выдавить из себя ничего не могла, а слёзы не защита, это слабость. Да и какие доказательства я могла предъявить, если моим словам не верят?

Меня не утвердили. Конечно, можно оставаться и беспартийным большевиком, но мне не хотелось быть в стороне от партии! Мне очень тяжело. Поэтому я и прошу Вас помочь мне. Напишите, пожалуйста, всё, что Вы знаете обо мне, вспомните, хотя я знаю, что очень неделикатно заставлять Вас пережить всё снова. К моему сожалению, я не вижу иного выхода».

Из Москвы, Ленинграда, Барнаула и из других городов Советского Союза полетели письма в Якутию. В них мы горячо защищали Верку, рассказывали о её достойном поведении в плену… Тогда в газете «Советская Россия» и появилась статья «В приёме воздержаться», где излагалась вся история Веры. С тех пор прошли годы. Спустя время о В.И. Матюцкой стало известно, что в партию её всё-таки приняли. Работала она директором вечерней школы рабочей молодёжи, по-прежнему была депутатом поселкового Совета. Вела большую лекционную работу. Наградили её орденом за трудовые дела на прииске».

Дядя В.И. Матюцкой, Матюцкий Иван Андреевич, 1912 г.р., был призван из Адамовки в 1941 г. и погиб в январе 1945 г. в Восточной Пруссии, его имя занесено в Книгу памяти Адамовского района. Среди славных имён женщин-участниц ВОВ, живших в Адамовском районе, стоит помнить по праву и имя Веры Ильиничны Матюцкой. В 1985 году она была награждена орденом Отечественной войны 2 степени.

Хедда Циннер (р.20.V.1907, Вена), немецкая писательница из ГДР, написала пьесу «Равенсбрюкская баллада» , которая с успехом шла на сценах берлинских театров. Лейтенант пехоты В.Матюцкая упоминается в книге А.Шнеера «Плен». «Повесть о борьбе и дружбе» А.Никифоровой есть в фондах Оренбургской областной библиотеки имени Крупской.